

М. Г. Гальченко

О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв.

Период с конца XIV в. до второй четверти – середины XV в. является особой переходной эпохой в древнерусской культуре и в первую очередь в письменности. Как справедливо пишет А. А. Турилов, «чисто зрительное отличие типичной восточнославянской рукописи XIV в. от типичной же XV в. по совокупности даже внешних признаков (графика, оформление, орфография, пунктуация) столь разительно, что произошедшие перемены не могут вызывать сомнений...» [Турилов 1998: 321]. Эти изменения многие исследователи связывают с явлением, которое А. И. Соболевский [Соболевский 1894: 8] назвал **вторым южнославянским влиянием** (далее – 2-е ЮСлВ). В то же время причины, характер и результаты 2-го ЮСлВ по-разному оцениваются исследователями, до сих пор вопрос о самом существовании данного феномена вызывает острые дискуссии. Термин «второе южнославянское влияние», введенный А. И. Соболевским, стал предметом резкой критики¹, особенно в работах Л. П. Жуковской. Д. Ворт и

---

¹ М. В. Иванова в результате анализа термина «второе южнославянское влияние» приходит к выводу, что данный термин «с формальной точки зрения оказывается вне терминологической системы. Главным виновником этого является слово “второе”: если есть “второе” влияние, то должно быть по меньшей мере “первое”. Но термина “первое южнославянское влияние” в нашей науке нет. И хотя понятно, что под ним подразумевается период крещения Руси, когда появились первые переводные богослужебные книги с присущими им старославянскими (древнеболгарскими) чертами и эти книги стали образцами во всех отношениях для оригинальной древнерусской письменности, отсутствие термина “первое южнославянское влияние” создает весьма неблагоприятную ситуацию для функционирования термина “второе южнославянское влияние”» [Иванова 1996: 100; она же 1998: 198]. Кроме того, как отмечает М. В. Иванова, «лингвистический термин “влияние” вообще не слишком удачен», поскольку «при заимствовании ак-

Л. П. Жуковская отрицают существование южнославянского влияния на Руси в конце XIV — первой половине XV вв. и пытаются объяснить изменения, происходившие в древнерусской письменности указанного периода (прежде всего в сфере графики и орфографии), архаизацией и грецизацией [Worth 1983; Жуковская 1987]. По мнению Л. П. Жуковской, «новые особенности русской письменной культуры... складывались веком позднее, т. е. во 2-ой половине не XIV, а XV в. и захватывали XVI в.» [Жуковская 1987: 145]. Проведенное нами исследование почерков, графики и орфографии 115 древнерусских рукописей конца XIV — первой половины XV вв. (из которых 95 имеют точную дату) не позволяет нам согласиться с точкой зрения Д. Ворта и Л. П. Жуковской [см. подробно ниже; см. также: Гальченко 1994; она же 1996; она же 1997]. Работы А. А. Турилова [Турилов 1995; он же 1998], посвященные различным аспектам 2-го ЮСлВ (в первую очередь, изменениям в репертуаре древнерусской книжности), на наш взгляд, убедительно доказывают существование рассматриваемого феномена в конце XIV — первой половине XV вв. и правомерность употребления термина, введенного А. И. Соболевским для его обозначения. Как пишет А. А. Турилов, обобщающее исследование по всем ас-

---

тивной стороной выступает заимствующий язык, а не влияющий», в то время как в семантике русского слова «влияние» «заключена информация о том, при влиянии одного на другое (или другого) активной, действующей стороной является сторона влияющая» [Иванова 1996: 100-101]. Пожалуй, можно признать, что определенная доля справедливости в критике рассматриваемого термина М. В. Ивановой имеется, однако, совершенно очевидно, что этот термин не следует понимать слишком буквально (с чем соглашается и сама М. В. Иванова). Любой термин, который можно было бы предложить для обозначения столь сложного и многоаспектного явления, как 2-е ЮСлВ, неизбежно будет условным. Введение нового термина вместо данного термина, имеющего более чем столетнюю традицию, ничего, кроме путаницы, не внесет. Заметим также, что, хотя термин «первое южнославянское влияние» для эпохи начала древнерусской письменности в настоящее время не является широко распространенным, однако он употребляется некоторыми исследователями, в частности, Б. А. Успенским [Успенский 1987], А. А. Туриловым [Турилов 1998: 322]. Мнение М. В. Ивановой, что «вообще вся дискусионность и нерешенность проблемы второго южнославянского влияния ... является следствием того, что ученые находятся в плену самого термина “второе южнославянское влияние”» [Иванова 1996: 100], представляется нам совершенно абсурдным. На наш взгляд, главные причины споров по поводу рассматриваемого феномена заключаются в сложности процессов, происходивших в данный период в древнерусской книжности, а также в очень слабой изученности памятников письменности, в том числе точно датированных рукописных кодексов этой эпохи.

пектам статьи А. И. Соболевского «давно является насущной задачей славистики и русистики, однако результатом его заранее видится усложнение и детализация феномена... а отнюдь не его отрицание» [Турилов 1995].

В свете наиболее значимых, на наш взгляд, современных работ, посвященных рассматриваемому явлению, становится все более очевидным, что «основные стимулы так называемого второго южнославянского влияния лежали в собственном развитии русской книжной традиции» [Живов 1993: 118]. Как пишет Б. А. Успенский, «поскольку второе юж.-сл. влияние не связано с иммиграцией южных славян и не может рассматриваться как непосредственное перенесение юж.-сл. книжных реформ на рус. почву, причины его возникновения следует искать в самой России. <...> Основная роль в этом процессе принадлежала, таким образом, не юж.-сл. учителям, а самим рус. книжникам» [Успенский 1987: 184].

По мнению А. А. Турилова, «асинхронность проявления отдельных элементов “второго южнославянского влияния”, наиболее ранним среди которых являются новые тексты (в южнославянских переводах), не оставляет сомнений в причинах явления. Оно вызвано **потребностями новых общежительных монастырей в аскетической литературе и монашеских руководствах и сменой церковного устава** (выделено нами — М. Г.)» [Турилов 1998: 324]. «Последняя четверть XIV — первое десятилетие XV в. (для Новгорода — 1420-е годы): период распространения новых текстов, переведенных южными славянами, в восточнославянской письменности» [Турилов 1998: 329].

Почерки памятников последней четверти XIV в., переписанных с южнославянских оригиналов древнерусскими писцами, даже работавшими в Константинополе, как писцы Дионтры инока Филиппа 1388—89 гг. (ГИМ, Чуд. 15) и Евангелия тетр 1383 или 1393 г. (ГИМ, Сил. 742), представляют собой «старший» полуустав или устав чисто восточнославянского типа. В области графики и орфографии писцы таких рукописей также **в основном еще следуют нормам, сложившимся в древнерусской письменности к середине XIV в.** Мена юсов и другие выраженные болгаризмы тщательно устраняются писцами этих рукописей. Рукописи, написанные восточнославянскими писцами в самом конце XIV в. или на рубеже XIV—XV вв., в которых сравнительно часто встречаются специфические болгаризмы, по-видимому, представляют собой крайне редкие исключения. В настоящее время автору данной статьи известны только две такие рукописи — Книга о постничестве Василия Великого (ГИМ, Увар. 506), которая написана на бумаге 90-х годов XIV в. и на основании имеющихся в ней записей

предположительно датируется А. А. Туриловым 1397 г., а также Римский патерик рубежа XIV–XV вв. (ЦНБ АН Литвы, ф. 19, № 3). Обе эти рукописи, писцы которых (по крайней мере, основные) в значительной степени следуют среднеболгарской орфографии, написаны традиционными древнерусскими почерками XIV в. — уставом и старшим полууставом. Подобное сочетание традиционных почерков и сильно «болгаризованной» орфографии встречается чрезвычайно редко. Как предполагает А. А. Турилов, данные рукописи могли быть созданы русскими писцами на Афоне [Турилов, в печати].

Как правило, мена юсов, написания типа **нж** (= *нь, но*), написания с **ѣ** в соответствии с /а/, характерные для среднеболгарских оригиналов, представлены в древнерусских списках конца XIV в. или рубежа XIV — XV вв. только единичными примерами или (чаще) находят косвенное отражение лишь в весьма немногочисленных ошибках писцов. Так, например, наличие мены юсов в орфографии древнеболгарского оригинала обуславливает спорадические написания с **ѡ, ѡ** вместо **ю, у** и наоборот в Тактиконе Никона Черногорца 1397 г. (РНБ, п. I. 41), переписанном в повгородском Лисицком монастыре с привезенной с Афона рукописи [Гальченко 1997: 61-63]. Подобные написания имеются и в спасо-аидрониковском списке Слов Постнических Василия Великого 1393–1407 гг. (ЦМиАР, КП 952), также, очевидно, имевшем в основе среднеболгарский протограф [Гальченко 1994: 8-10].

Заметим, впрочем, что **начальный этап изменений в графико-орфографических системах древнерусских рукописей по времени довольно близок к моменту появления новых текстов. Интервал между появлением этих текстов в древнерусской письменности и началом определенных изменений в графике и орфографии² древнерусских рукописей, содержащих такие тексты, по нашим наблюдениям, составляет около десяти лет. В рукописях, написанных восточносла-**

² Термины «графика» (или «графическая система»), «орфография», «графема» употребляются в настоящей статье в том значении, которое предлагает для них А. А. Зализняк [Зализняк 1979: 138-151]. Графема — это «совокупность всех начертаний, которые самими посетителями графической системы воспринимаются «как то же самое» [Зализняк 1979: 145]. «Графема фактически функционирует как знак, т. е. как двусторонняя единица, а именно, определенный класс начертаний выступает здесь как символ некоторой фонемы (или фонем)» [Зализняк 1979: 140]. Термин «графическая система» обозначает «инвентарь общеобязательных графем вместе с основными правилами их использования» [Зализняк 1979: 138]. Графемы делятся на основные (используемые для записи словоформ) и вспомогательные (знаки препинания, диакритика, цифры и т. д.) [Зализняк 1986: 96]. «Орфография — это принятая в некотором обществе или коллективе совокупность правил, предписы-

вянскими писцами на Афоне и в Константинополе, этот интервал, по-видимому, еще меньше. Следует подчеркнуть, что инициации в графике и орфографии в конце XIV в. наблюдаются почти исключительно в рукописях, содержащих новые для Древней Руси тексты или их новые редакции. Позднее, в XV в. (особенно часто с 10-х годов), признаки 2-го ЮСлВ в области правописания отмечаются и в рукописях с традиционными для древнерусской книжности текстами.

С 80-х годов XIV в. графико-орфографические инициации появляются в рукописях, созданных восточнославянскими писцами на Афоне и в Константинополе³, например, в Диоптре инока Филиппа 1388–89 гг. Рукописи этого времени, созданные на территории Древней Руси, даже содержащие новые для древнерусской книжности тексты, как, например, список Слов постнических Василия Великого 1388 г. (ГИМ, Чуд. 10), написанный, по мнению Г. И. Вздорнова, в московском Чудовом монастыре [Вздорнов 1980], практически полностью свободны от таких инициаций. По данным анализа памятников с точной датой сколько-нибудь заметные проявления 2-го ЮСлВ в области графики и орфографии отмечаются в кодексах, написанных на территории Древней Руси, не ранее 90-х годов (преимущественно со второй половины — конца 90-х годов) XIV в. (например, в Киевской Псалтири 1397 г. — РНБ, ОЛДП 6; в лисицком Тактикоше Никона Черногорца 1397 г. [Гальченко 1997: 61–65]). В подавляющем большинстве древнерусских рукописей последней четверти XIV в. графико-орфографические инициации еще довольно незначительны. Изменения в первую очередь затрагивают инвентарь вспомогательных графем: начинает использоваться запятая (в отдельных рукописях — и точка с запятой), акцентные знаки, возобновляется употребление наерка. Кроме того, буква **а** начинает употребляться в соответствии с /ja/, вновь появляются написания с **жд(ж)** в соответствии с *dj (почти не встречающиеся в древнерусских рукописях с XIII в.), изредка отмечаются «южнославянские» написания корневых сочетаний редуцированных с плавными, а в отдельных рукописях на конце слов после твердых согласных вместо буквы **ъ** иногда пишется **ь**. По крайней мере, часть этих инициаций, очевидно, вводится в употребление некоторыми древнерусскими

вающих для каждой словоформы определенное (так называемое орфографически правильное) написание или написания» [Зализняк 1979: 151].

³ Графика и орфография написанного, вероятно, в 1355 г. Чудовского Нового завета, как справедливо отмечает Б. А. Успенский [Успенский 1987: 188–189], отражает скорее стремление его создателей к грецизации правописания, чем южнославянское влияние [см. также: Гальченко, Яценко 1997: 42].

писцами сознательно, а не появляется случайно в результате автоматического копирования южнославянских оригиналов. Во всяком случае, не подлежит сомнению сознательное использование отдельными писцами новых вспомогательных графем.

С начала XV в. приблизительно до десятых годов этого столетия наблюдается постепенное увеличение числа древнерусских (в основном северо-восточных) рукописей с графико-орфографическими признаками 2-го ЮСлВ (в первую очередь теми же, что отмечаются в указанных выше рукописях конца XIV в.). Все больше различных написаний «южнославянского типа» проникает в древнерусские рукописи в качестве допустимых вариантов, постепенно расшатывая старую правописную норму. Почерки подавляющего большинства восточнославянских рукописей этого периода по-прежнему представляют собою устав или «старший» полуустав. Наиболее интенсивное проявление 2-го ЮСлВ в области графики и орфографии из всех известных нам датированных древнерусских рукописей первых пяти лет XV в. наблюдается в пергаменных Триодях цветной и постной (ГИМ, Усп. 7-перг. и Усп. 6-перг.), написанных в 1403 г. почерками, сочетающими в себе черты устава и старшего полуустава. Эти две рукописи были созданы по заказу митрополита Киприана, очевидно, в Москве. К числу памятников начала XV в., в которых заметно проявляются некоторые графико-орфографические признаки 2-го ЮСлВ, относятся также тверские Лествицы 1402 г. (БАН, Тим. 9) и 1404 г. (ГИМ, Чуд. 219), спасо-андрониковский Златоструй 1407 г. (БАН, 33. 16. 15).

Заметные изменения в почерках и орфографии древнерусских рукописей наблюдаются около 10-х годов XV в. Как пишет А. А. Турилов, «в это время появляется значительное число восточнославянских рукописей, написанных “младшими” полууставными почерками нескольких типов: литургическим полууставом, восходящим к каллиграфическим почеркам тырновских рукописей середины XIV в. (таких, как Лондонское Евангелие царя Иоанна Александра, Псалтырь Томича и др.), и менее монументальными — хотя порой и не менее каллиграфическими — почерками, связанными, очевидно, с монастырскими скрипториями Афона и Болгарии. Первый более характерен для библейских литургических (Евангелие, Апостол, Псалтырь) и богослужебных книг, остальные для четых, в первую очередь аскетического содержания. Одновременно получают распространение гибридные почерки, соединяющие в себе черты восточно- и южнославянской традиции XIV в.» [Турилов 1998: 323]. Древнейшей известной автору настоящей статьи датированной рукописью, в которой имеются почерки типа «младшего» полуустава, является спасо-андрониковский Златоструй

1407 г. (БАН, 33. 16. 15) (как типичный «младший» полуустав можно охарактеризовать почерки второго, третьего, седьмого и девятого писцов, которыми написаны небольшие фрагменты текста данной рукописи, в то время как почерк основного писца Златоструя 1407 г. еще довольно близок к «старшему» полууставу [Гальченко 1994: 17-20]).

С 10-х годов XV в. наблюдается резкое усиление интенсивности 2-го ЮСлВ и на уровне графики и орфографии, в это время появляются древнерусские рукописи (практически исключительно северо-восточные), писцы которых воспроизводят многие особенности среднеболгарского «тырновского» правописания. К числу таких памятников относятся написанные «младшим» полууставом Лествицы 1411–12 гг. (РГБ, Унд. 192 и Больш. 289)⁴. По мнению Г. И. Вздорнова, эти рукописи были созданы в «неизвестном московском монастыре» [Вздорнов 1980: 42].

В подавляющем большинстве случаев заметно «болгаризованное» правописание встречается в рукописях, написанных типичным «младшим» и литургическим полууставом южнославянского происхождения или гибридными почерками, сочетающими в себе восточнославянские и южнославянские особенности. Исключения крайне редки: к ним относятся уже упоминавшиеся выше Книга о постничестве Василия Великого (Увар. 506) 90-х годов XIV в. и Римский патерик рубежа XIV–XV вв.

Появление признаков 2-го ЮСлВ в разных регионах и книгописных центрах Древней Руси наблюдается не одновременно. Изменения в *графико-орфографических системах*, связанные с рассматриваемым феноменом, наиболее рано отмечаются в **северо-восточных рукописях**, в первую очередь написанных **московскими** писцами (в этих памятниках инновации фиксируются, начиная с 90-х гг. XIV в.)⁵ и в **тверских** рукописях (инновации отмечаются с первых годов XV в.). Изменения в области *почерков* в рукописях, созданных в Москве, Твери и некоторых других северо-восточных центрах, наблюдаются, как указывалось выше, около 10-х годов XV в. Рукописи с точной датой (к сожалению,

⁴ По нашим наблюдениям, данные рукописи практически идентичны по составу и порядку вступительных статей и обнаруживают значительное сходство по орфографии. Они или имели общий оригинал (возможно, восходящий к Лествице митрополита Киприана 1387 г. (РГБ, МДА 152) или относятся друг к другу как оригинал и список, причем по графико-орфографическим особенностям Больш. 289 в большинстве случаев ближе к Лествице Киприана, чем Унд. 192 [подробнее: Гальченко 1997: 67-70].

⁵ Здесь мы имеем в виду в первую очередь написанные московским писцом диаконом Спиридоном Евангелие-тетр 1393 г. (РНБ Ф. н. п. 118) и Киевскую Псалтырь 1397 г.

лемногочисленные), написанные в 10–40-х годах XV в. в ряде северо-восточных книгописных центров, — в Ростове, Переяславле-Залесском, Галиче Костромском, Вологде, также, как правило, имеют признаки 2-го ЮСЛВ в области графики, орфографии и почерков.

Инновации, связанные со 2-м ЮСЛВ, весьма рано появляются и активно распространяются в рукописях, созданных **в новых монастырях (основанных в XIV в.)**, в частности, Троице-Сергиевом [Гальченко, в печати], Спасо-Андрониковом [Гальченко 1994], Савво-Сторожевском⁶, Кирилло-Белозерском [Гальченко 1998].

В **новгородском Лисицком монастыре** (также возникшем в XIV в.) первые признаки 2-го ЮСЛВ обнаруживаются уже в Тактиконе Никона Черногорца 1397 г., то есть в то же время, когда появляются первые московские рукописи с аналогичными инновациями. Две лисицкие рукописи 1431 г. — Сборник с Лествицей (РГБ, Рум. 200) и Сборник со Словами Исаака Сирина (РГБ, ТСЛ 175) написаны типичным «младшим» полууставом и имеют сильно «болгаризованную» орфографию, причем Сборник со Словами Исаака Сирина отличается последовательно выдержанной среднеболгарской орфографией с отдельными, встречающимися в качестве исключений, русизмами [Гальченко 1997]. К сожалению, нам не известны точно датированные рукописи первой четверти XV в., написанные в этом монастыре. Как справедливо считает А. Г. Бобров, Лисицкий монастырь был «проводником» 2-го ЮСЛВ в Новгороде, отличаясь от других новгородских книгописных центров [Бобров 1991: 98].

В целом в **Новгороде** распространение графико-орфографических признаков 2-го ЮСЛВ и «младшего» полуустава наблюдается приблизительно с **30-х годов XV в.** при архиепископе Евфимии II, выходеце из Лисицкого монастыря. Служебные Мишеи 1438–1441 гг., созданные для Софийского собора по заказу Евфимия II, написаны «младшим» полууставом, в их орфографии имеются признаки 2-го ЮСЛВ [Гальченко 1996: 78-80].

В известных нам **псковских** датированных рукописях нет практически никаких особенностей, связанных со 2-ым ЮСЛВ, вплоть до 1445 г. Первые графико-орфографические инновации отмечены

⁶ С точки зрения изучаемого нами феномена 2-го ЮСЛВ особый интерес представляет список Слов постнических Исаака Сирина, созданный в 1416 г. в Савво-Сторожевском монастыре иноками Авраамием и Исаакием. По нашим наблюдениям, оба писца этой рукописи в значительной степени следуют нормам среднеболгарской орфографии (включая мену юсов, написания типа **нж** = *нъ, но; написания с **ѣ** в соответствии с /а/).

нами в Минее праздничной 1445 г. (ГИМ, Сип. 872), написанной уставом на пергамене. В Триоди постной 1452 г. (ГИМ, Еларх. 811) наблюдается уже выраженное южнославянское влияние: Триодь написана «младшим» полууставом; ее писец помимо наиболее распространенных в древнерусских рукописях графико-орфографических инноваций (о них см. подробнее ниже) употребляет «юс большой». Таким образом, вывод Л. П. Жуковской о том, что «новые особенности русской письменной культуры» складывались «не ранее второй половины XV в.» [Жуковская 1987] справедлив **только для рукописей псковского региона**, на основании анализа которых он и был сделан. (Можно несколько уточнить этот вывод: в псковских точно датированных рукописях интересующие нас инновации впервые появляются около **середины** столетия.)

К сожалению, нам до сих пор не были доступны для изучения все немногочисленные сохранившиеся до нашего времени **юго-западные** рукописи с точной датой (написанные на территории современной Украины). По мнению А. А. Турилова (устное сообщение), в юго-западных рукописях инновации, связанные с рассматриваемым явлением, появляются приблизительно в то же время, что и в северо-восточных памятниках. Проведенный нами графико-орфографический анализ Евангелия с толкованиями Феофилакта Болгарского, написанного в 1434 г. в Киево-Печерском монастыре «младшим» полууставом двух почерков (РНБ, Ф. I. 73), выявил наличие в данной рукописи ряда признаков, связанных с феноменом 2-го ЮСЛВ (в том числе, частое употребление буквы **а** в соответствии с /ja/, графемы **ї** перед буквами гласных, буквы **ѕ** в звуковом значении /z/, использование акцентных знаков, запятой и точки с запятой, наличие многочисленных «южнославянских» написаний корневых сочетаний редуцированных с плавными, написаний с **ь** вместо **ъ** на конце слов после твердых согласных, а у первого писца — также некоторого количества написаний с **ѣ** в соответствии с /'a/).

Автору настоящей статьи известна только одна рукопись первой половины XV в. с точной датой, написанная **в западном регионе**, а именно в **Смоленске** — Слова постпические Исаака Сирина 1428 г. (РНБ, Ф. I. 476). Эта рукопись особенно примечательна тем, что, как указывается в ее обширной писцовой записи, она представляет собой список с рукописи 1420 г., написанной в Константинополе. Почерк смоленского писца представляет собою «младший» полуустав; в графико-орфографической системе рукописи 1428 г. заметно влияние среднеболгарского правописания (в частности, писец часто упо-

требляет «юс большой», у него передки написания с меной юсов, а также написания типа **нж** = **нь, но*).

Таким образом, в большинстве регионов и центров древнерусской письменности *заметные* проявления 2-го ЮСлВ в области графики, орфографии и почерков наступают **не позднее первой половины XV в.**, даже в Пскове, где 2-е ЮСлВ по сравнению с другими регионами Древней Руси (даже с Новгородом) «запаздывает», некоторые признаки, связанные с данным феноменом, в области графики и орфографии фиксируются, как указано выше, с 1445 г.

Необходимо заметить, что, хотя графико-орфографические признаки 2-го ЮСлВ (по крайней мере, минимальное их число) отмечаются в подавляющем большинстве северо-восточных рукописей, начиная с 10–20-х годов XV в., новгородских — со второй половины 30-х годов, псковских — с середины XV в., имеются отдельные рукописи (в том числе северо-восточные), даже относящиеся ко второй половине XV в., в которых эти признаки почти полностью отсутствуют. Так, например, практически нет графико-орфографических признаков 2-го ЮСлВ в Евангелии апракос, написанном в 1467 г. в Галиче (по-видимому, в Галиче Костромском) (ГИМ, Муз. 4041). При этом почерк данной рукописи представляет собою типичный «младший» полуустав. В псковских памятниках традиционные для XIV в. правописание и типы почерков могут удерживаться еще дольше.

В свое время А. И. Соболевский не придавал большого значения изменениям в почерках, графике и орфографии древнерусских рукописей, связанным со 2-ым ЮСлВ. Он писал: «замена одних начертаний букв другими и одной орфографии другою не имеет ценности» [Соболевский 1903: 13], хотя при описании признаков 2-го ЮСлВ поместил графические и орфографические инновации в начале [Соболевский 1903: 1-4]. Мы не можем согласиться с приведенным выше мнением А. И. Соболевского. Произшедшие в рассматриваемый период изменения в почерках, графике и орфографии древнерусских рукописей в значительной степени определили облик восточнославянской книги (в том числе старопечатной) в последующие столетия и некоторые аспекты нормализации церковнославянской орфографии вплоть до XVII в. [Успенский 1987: 181-274]. Как указывал Г. О. Винокур, история орфографии имеет право на существование в качестве самостоятельной лингвистической дисциплины [Винокур 1959: 463]. В своей работе мы руководствуемся тезисом Г. О. Винокура о том, что «возможна и необходима особая лингвистическая дисциплина, имеющая своим предметом орфографию как таковую... Надо оговориться, что здесь идет речь об орфографии не

непрерывно нормализованной... Можно и должно изучать орфографические факты в их объективной данности, независимо от того, какими правилами они продиктованы и в какой степени они вообще отвечают тем или иным правилам» [Винокур 1959: 463].

Помимо собственно графико-орфографических признаков Б. А. Успенский выделяет также ряд синтаксических и морфологических признаков 2-го ЮСлВ, наиболее заметным из которых является употребление звательной формы собственных имен мужского рода (особенно часто — имен, оканчивающихся на /j/) в значении именительного падежа [Успенский 1987: 211-212], например: *ре̑ ѡнтонъ-ѡ л. 10г, прише̑ виталикѣ и̑ѣрѣи л. 33а, ре̑ фармуфик л. 44г, стѣгъи вифонникъ въ мори скончаса л. 51г* в древнейшем русском списке Пролога стихного рубежа XIV — XV вв., выполненном на пергамене (ГИМ, Чуд. 17). В настоящее время мы не могли проанализировать порядок появления и распространения морфологических и синтаксических признаков 2-го ЮСлВ, заметим лишь, что некоторые из этих особенностей (в первую очередь употребление звательной формы собственных имен мужского рода в значении именительного падежа) появляются не позже, а то и раньше собственно графико-орфографических инноваций (любопытно, что они имеются в указанном списке Пролога стихного, почерк и графико-орфографическая система которого практически полностью лишены черт, связанных со 2-ым ЮСлВ).

В настоящей работе мы предполагаем проанализировать основные графико-орфографические признаки 2-го ЮСлВ (выделенные еще А. И. Соболевским)⁷ с точки зрения **хронологического порядка их появления** в древнерусских рукописях, а также **степени их распространности** в древнерусской письменности.

Перечисленные ниже шесть признаков 2-го ЮСлВ, как показало проведенное нами исследование 115 древнерусских рукописей конца XIV в. — первой половины XV в. (преимущественно с точной датой), написанных в различных регионах, в большинстве случаев

⁷ В действительности графико-орфографических признаков, связанных с рассматриваемым явлением, в древнерусских рукописях можно выделить значительно больше, но одновременное изучение всех таких особенностей представляется невыполнимой задачей (по крайней мере в настоящее время, учитывая почти полную неизученность в интересующем нас аспекте значительного числа древнерусских памятников рассматриваемого периода). Более подробному рассмотрению происхождения ряда графико-орфографических признаков 2-го ЮСлВ, хронологии их появления и особенностей функционирования в графико-орфографических системах древнерусских писцов мы планируем посвятить отдельную статью.

раньше других входят в графико-орфографические системы восточнославянских писцов.

I. С конца XIV в. в древнерусскую письменность (через посредство южнославянской) входят греческие по происхождению акцентные знаки, а именно, **исо** (̂), **оксия** (́), **вария** (̀), **кендема** (̃), **камора** (̄), **великий апостроф** (̆). Наиболее рано и регулярно восточнославянские писцы начинают употреблять **кендему**. Этот знак очень часто употребляется уже в Диоптре инок Филиппа 1388–89 гг., например: **т̃а̃мо**, **н̃и̃же в̃ѣра ни д̃ѣла** л. 9а, **н̃икто же т̃ако̃ м̃ню** л. 9б, **к̃да̃** (вопрос) л. 15а. Практически все упомянутые акцентные знаки используются писцом Триоди цветной 1403 г. (Усп. 7-перг.). В Диоптре инок Филиппа 1388–89 гг., кроме кендемы (хотя и значительно реже, чем этот знак) встречаются **исо**, **великий апостроф** и очень редко — **оксия**. Кендема чаще всего пишется над односложными словами (в том числе иногда и в тех случаях, когда они входят в состав других слов) и над некоторыми двусложными словами. **Исо** обычно пишется над начальными гласными слов, реже над гласными, стоящими после гласных, например: **й̃же**, **в̃ъ ѡ̃вчи ко̃уп̃ѣли** л. 1об., **а̃ще** л. 4, **о̃утрен̃а** л. 10, **ѣ̃сть** л. 22об., **ѡ̃ горы ѣ̃леѡ̃ньскыа** л. 100об. **Оксия** употребляется над ударными гласными в середине слов (**в̃одоу̃**, **в̃ино съ̃твори** л. 22об., **сла̃вы** л. 35об., **го̃рнимъ с̃иламъ** л. 100 и т. п.), **вария** — как правило, над гласными на конце слов (а в некоторых рукописях — иногда и в середине слов): **в̃ъста̃** л. 4, л. 9об., 10, 50, **тл̃и пре̃м̃ѣнител̃а** л. 4, **за̃не** л. 18, **Ѹ̃щед̃и** повел. л. 74 и др. **Камора** пишется над буквами гласных (чаще всего **о**, **ѡ**, **оу**, **ю**, **ѣ**, **и**) как в середине, так и на конце слов, например: **н̃о** л. 9, 15об., **м̃ви̃сѣ̃а** (Р.-В.) л. 18, **р̃ѣ̃ м̃ви̃си̃** л. 79. (все примеры — из Триоди цветной 1403 г.). Знак «**великий апостроф**» используется в древнерусских рукописях прежде всего для выражения обращения к кому-либо или как знак восклицания (например: **ѡ̃ д̃ше̃** л. 9б, **ѡ̃ затю̃ мо̃и** л. 12а, **ѡ̃ гри̃горі̃е̃** л. 86б в Диоптре инок Филиппа 1388–89 гг.), а также в некоторых других случаях. Поскольку акцентные знаки являются **вспомогательными** графемами, их употребление не вступало в противоречие с традиционными (сложившимися к XIV в.) нормами древнерусской письменности, которые еще не утратили своей авторитетности на рубеже XIV–XV вв. По-видимому, это обстоятельство способствовало раннему проникновению в графико-орфографические системы восточнославянских писцов акцентных знаков, а также других вспомогательных графем, а именно, паерка и запятой (см. ниже). В начале использование всех этих вспомогательных графем было факультативным, но на протяжении XV в. и последующих столетий становилось все более су-

щественным элементом нормы книжного письма. Ярким свидетельством этого процесса является наличие во многих древнерусских рукописях позднейшей правки (чаще всего XVI—XVII вв.), нередко состоящей в основном в расстановке акцентных знаков, а также запятых.

II. Употребление таких характерных для южнославянской письменности XIV в. разделительных знаков, как запятая и точка с запятой, отмечается в рукописях, написанных древнерусскими писцами, также с конца XIV в. Запятая встречается, в частности, в Диоптре инокa Филиппа 1388—89 гг., в Киевской Псалтири и Тактиконе Никона Черногорца 1397 г. Точка с запятой встречается в древнерусских рукописях значительно реже. Наиболее древним датированным памятником, в котором используется этот знак, является Диоптра инокa Филиппа 1388—89 гг.

III. Практически одновременно с указанными выше особенностями в древнерусских памятниках появляются написания с буквой а в соответствии с /ja/ (например: *достоаше, надѣатиса* л. 36а, *стїхна* мн. л. 52б, *дше моа* л. 52г, *въ ѿчааньё* л. 53в, *лица члчскаа* л. 65а, *въздааннё* л. 72б и др. в Диоптре инокa Филиппа 1388—89 гг.). Возникновение таких написаний в южнославянской, а затем и в древнерусской письменности, по-видимому, обусловлено подражанием графике греческих рукописей, в которой нет йотированных букв. Следует заметить, что в период XI—XIV вв. графемы **а** и **ѡ** (или **ѡ**) в определенных случаях, а именно на конце строк и в заимствованных словах (которые могли писаться как с **а**, так и **ѡ(ѡ)**, например: *диаконъ* и *диаконъ*, *наковъ* и *наковъ*) функционировали как дублиеты, что создавало благоприятные условия для того, чтобы в период 2-го ЮСлВ эти графемы в позиции после гласных *фактически стали эквивалентными*.

IV. Употребление буквы ї (і, і) перед буквами гласных также является одним из первых признаков 2-го ЮСлВ в древнерусских рукописях. Написания с ї в данной позиции имеются уже в Диоптре инокa Филиппа 1388—89 гг. (например: *вбраценіє* л. 2б, *посланіє*, *третяго* л. 9а, *за браїтїо*, *гоненіє* л. 9б, *прѣхоженіє* л. 72б, *страданїа*, *їзцѣленїа* л. 73б, *моуסיкію* л. 81б), в Киевской Псалтири 1397 г., у второго писца Тактикона Никона Черногорца 1397 г. Правило, в соответствии с которым буква ї (і, і) пишется перед гласными, складывается в южнославянской письменности XIV в., очевидно, не без влияния греческого письма. В период 2-го ЮСлВ оно легко усваивается древнерусскими писцами, поскольку является чисто графическим и очень простым.

V. В период 2-го ЮСлВ в древнерусских рукописях (очевидно, не без влияния южнославянской письменности) восстанавливается

употребление такого надстрочного знака, как паерок ⁸. Паерок часто употреблялся в древнерусских рукописях XI–XII вв., однако на протяжении XIII–XIV вв. он практически исчез из древнерусской письменности. Самой древней из известных нам рукописей периода 2-го ЮСЛВ, в которой довольно часто встречается паерок, является Дионтра ипока Филиппа 1388–89 гг. Паерок часто употребляется в Евангелии тетр 1393 г. (РНБ, F п. I, 18) и Киевской Псалтири 1397 г. У большинства писцов паерок, как правило, пишется в группах из двух и более согласных, между которыми находился утраченный редуцированный, а также в некоторых других случаях, например: **бѣгодѣно-веннаѣ ѿрѣгноу словеса** л. 1в, **бѣтство, ѿслет ма, въздыханіѣ** л. 2б, **спсѣтса** л. 9а, **руманствомъ** л. 65а в Дионтре ипока Филиппа 1388–89 гг.

VI. Одним из рано появляющихся в древнерусских рукописях признаков 2-го ЮСЛВ являются **написания с ж̑ или жд в соответствии с праславянским *dj**. Написания с жд в указанной позиции (отражающие рефлекс *dj в южнославянских диалектах) были нормативны для древнерусских рукописных книг XI–XII вв.; в течение XIII–XIV вв. они были полностью вытеснены написаниями с ж, отражающими рефлекс *dj в восточнославянских диалектах. Написания с жд или ж̑ вновь появляются в древнерусских рукописях с конца XIV в., например: **претроудьшимса** л. 16а, **оутвержденъ** л. 32б, **вѣждь** повел. л. 86б. в Дионтре ипока Филиппа 1388–89 гг. Как правило, в рукописях XV в. встречаются написания с ж̑ в соответствии с *dj, написания с жд довольно редки.

Заметим также, что с конца XIV – начала XV вв. в ряде древнерусских рукописей, вероятно, под влиянием южнославянской письменности **восстанавливается употребление диграфа оу или заменяющей его лигатуры Ѹ после букв согласных**. Как известно, такое употребление оу, Ѹ было характерно для восточнославянских рукописей XI–XII в.; к середине – второй половине XIV в. в древнерусской письменности устанавливается правило, согласно которому оу пишется в начале слов и после гласных, а после согласных употребляется монограф у [см. Щепкин 1967]. Лигатура Ѹ на протяжении XIII – первой половины XIV вв. почти исчезает из древнерусской письменности (она изредка встречается лишь на конце строк). Уже в Дионтре ипока Филиппа 1388–89 гг. после букв согласных очень часто употребляется диграф оу (рядом с монографом у); в этой же рукописи изредка встре-

⁸ Данный знак может иметь в древнерусских рукописях различную форму. Чаще всего встречается паерок в виде зигзага (˘) или уголка (˘).

чаются написания с лигатурой ѣ не на конце строки, например: Ѡкѣдѣ л. 52б, ѣже пар. л. 71в. Следует иметь в виду, впрочем, что написания с оу после согласных имеются в древнерусских рукописях середины XIV в., поэтому данная орфографическая особенность может указывать на отражение в рукописи 2-го ЮСлВ только в совокупности с другими признаками 2-го ЮСлВ; написания с лигатурой ѣ в середине строк значительно более показательны.

То же самое, что было сказано о написаниях с оу после согласных, относится и к написаниям с ѣ после р в словах с неполногласными сочетаниями типа вѣмѣ, вѣмѣ, сѣда, рѣдѣлѣ. Написания указанных сочетаний с ѣ характерны для южнославянских, а также древнерусских рукописей XI—XII в., а в течение XIII—XIV вв. они были почти вытеснены (правда, не полностью) из восточнославянской письменности написаниями с є. В эпоху 2-го ЮСлВ написания неполногласных сочетаний с сонантом /г/ с буквой ѣ после р вновь входят в норму многих древнерусских писцов, хотя и не всех.

Следующие два признака (VII — VIII) также встречаются в древнерусских рукописях с конца XIV в. или первых годов XV в., т. е. с начального этапа изменений в графике и орфографии, связанных со 2-ым ЮСлВ, но, по нашим наблюдениям, характерны для меньшего числа рукописей этого времени, чем признаки, перечисленные выше под номерами I — VI.

VII. Одним из рано появляющихся в древнерусских рукописях признаков 2-го ЮСлВ является **употребление буквы ь вместо ѣ после букв твердых согласных на конце слов** (в том числе на конце некоторых предлогов-приставок). Написания с ь вместо ѣ имеются, например, в двух рукописях, в создании которых принимал участие известный каллиграф диакон Спиридоний — в Евангелии-тетр 1393 г. и Киевской Псалтири 1397 г. В Киевской Псалтири 1397 г. такие написания встречаются очень часто, преимущественно после букв в, к, х, например: вѣ законѣ л. 2, вѣзгорнѣтѣ вѣскорѣ л. 4, вѣ срѣцѣхѣ вашнѣхѣ л. 5, кѣ цркви, вѣзненавидѣлѣ ѣси л. 6, срѣце нѣхѣ л. 6об., вѣздахѣ л. 8, члѣвкѣ л. 9об., сѣблюдешѣ л. 14об., вѣ строунаѣ, вѣ вратѣхѣ л. 204об. и т. п. Написания с ь вместо ѣ на конце слов после твердых согласных особенно часто встречаются в роскошных московских рукописях конца XIV — первой четверти XV вв., таких, как Евангелие Успенского собора (в написании которого также принимал участие диакон Спиридоний), Евангелие Хитрово, Евангелие Кошки, Андрониковское Евангелие. По нашим данным, в рукописях, созданных в других древнерусских книгописных центрах на рубеже XIV—XV вв., подобные написания встречаются существенно реже.

Правило, в соответствии с которым **ь** писался на конце слов, а **ѣ** — в середине слов, сложилось в болгарских рукописях XIII—XIV вв. [Василев 1980: 411]. Нам неизвестны древнерусские рукописи, писцы которых *неукоснительно* следовали бы данному выше правилу. В древнерусских рукописях этого времени мы обычно наблюдаем вариативность написаний одних и тех же словоформ: они могут иметь на конце после буквы твердого согласного как **ь**, так и **ѣ**. В восточнославянских рукописях наиболее часто **ь** лишается вместо **ѣ** на конце слов после букв согласных, непарных по твердости-мягкости — **г, к, х**, а также после букв **в, м**, хотя встречаются и написания с **ь** вместо **ѣ** и после других согласных.

VIII. В эпоху 2-го ЮСлВ в древнерусских рукописях наряду с традиционными для восточнославянской письменности XIII—XIV вв. написаниями слов с **корневыми сочетаниями редуцированными с плавными** (типа *търт, *търт, *тълт) с буквами **ѣ, о** перед буквами плавных⁹ появляются **написания южнославянского типа с буквами ь, ѣ после плавных**. Такие написания встречаются уже в некоторых рукописях конца XIV в. и первых годов XV в., в частности, в Диоптре инокса Филиппа 1388—89 г. (например: *зръцало* л. 1а, *зръцало*, *скръъны* Р. ед., *испльнь*, *дльготю* л. 1б, *не дръзаѣ* л. 52в, *ѣ пръваго* л. 52г, *мръत्वость* л. 72б), Евангелии тетр 1383 или 1393 г., в Тактиконе Никона Черногорца 1397 г. (у второго писца), в Сборнике житий 1402 г. (РНБ, Ф. I. 868) (например: *трпльнѣ* л. 2, *скръъь*, *ѣ съмръти* л. 2в, *гръдо*, *извръжеъны* л. 2г, *въръхъ* И. ед. л. 3а, *тлькноуѣшю* Д. ед. м. л. 30а, *дръжите* повел. л. 30в, *въвръжиса* повел., *мрътва* дв. л. 30г), в Триоди цветной 1403 г. (Усп. 7-перг.) и Триоди постной около 1403 г. (Усп. 6-перг.). В рукописях рубежа XIV—XV вв. (за исключением Сборника житий 1402 г.) подобные написания, как правило, встречаются не часто и, вероятно, находятся на периферии принятой писцами этих рукописей нормы. В ряде

⁹ В нормы, принятые древнерусскими писцами XIV в., могли входить как написания типа *держати*, *скоръь*, *молчати*, так и написания типа *дъръжати*, *дъръжати*, *скоръъь*, *молъчати* (последние особенно часто встречаются в тех случаях, когда слова с сочетаниями *търт, *търт, *тълт разделены границей строки). Буквы **ь, ѣ** в написаниях второго типа, возможно, соответствуют гласным призвукам или даже гласным полного образования после плавных в сочетаниях типа *търт, *търт, *тълт в тех древнерусских диалектах, где возникло так называемое «второе полногласие» (которое непосредственно отражать в книжном тексте писцы, очевидно, избегали). Впрочем, в памятниках эпохи 2-го ЮСлВ написания типа *дъръжати* могут быть обусловлены чисто орфографическими причинами и рассматриваться как контаминация «восточнославянского» и «южнославянского» вариантов.

северо-восточных рукописей, начиная с 10-х годов XV в., резко возрастает число написаний «южнославянского» типа, они становятся «равноправными» вариантами нормы.

Ряд признаков 2-го ЮСЛВ, перечисленных ниже под номерами IX — XIII, представлен достаточно многочисленными написаниями в древнерусских памятниках, как правило, лишь начиная с 10-х годов XV в.¹⁰

IX. С рубежа XIV—XV вв. в отдельных древнерусских рукописях в ряде слов начинает употребляться графема **ѕ**, ранее этого времени использовавшаяся в древнерусской письменности только в цифровом значении (в перевернутом справа налево начертании **ѕ**). Наиболее древней рукописью, в которой отмечаются написания с **ѕ** (**ѕ**), является Паренесис Ефрема Сирина, написанный в Лисицком монастыре на бумаге 80—90-х годов XIV в. (РНБ, F I 202) [о датировке этой рукописи — Бобров 1991: 82-84]. Писец данной рукописи Савва употребляет графему «зелю» (в перевернутом справа налево начертании) в слове **ѕѣло**: **ѕѣло** [Гальченко 1997: 66]. Написания с графемой **ѕ** имеются в московской Триоди цветной около 1403 г. (Усп. 7-перг.), например: **сѣлса** аор. л. 38об., **растрѣсалъ ѿси** л. 39об., **просѣлшн** В. ед. л. 42об., **смертныа оузы іако бѣ** | **растерса** л. 52об., **снжитель** И. ед. л. 60 и т. п. Графема **ѕ** появляется в некоторых древнерусских памятниках приблизительно с 10-х годов XV в. (она пишется в тех же словах и позициях, что и **с**). Обе эти графемы были заимствованы из среднеболгарской письменности, где они передавали аффрикату /dz/ (из праславянского *g), сохраняющуюся в некоторых болгарских диалектах. В восточнославянских диалектах данная аффриката рано утратила затвор и дала звук /z/, совпадавший с /z/ из *z. Для восточнославянских писцов конца XIV — XV вв. графемы **ѕ** и **ѕ** имели то же звуковое значение, что и буква **з**, и поэтому употреблялись некоторыми писцами не только в соответствии с /z/ из *g (например: **ѕѣло**, **ѕѣло**; **кнась**, **кназь**; **носьѣ**, **нозьѣ** и т. п.), но и в соответствии с /z/ из *z или даже из этимологического *s, подвергнувшегося озвончению в новых группах согласных после утраты редуцированных (например: **расѣмѣмъ** повел. л. 76, **вездѣ** л. 88б, **сдѣѣ** л. 98б, **сдравне** л. 102г и др. в части 1462 г. Поучений на Евангелие (ГИМ, Увар. 481), **ѿ вземлющаго** л. 234в,

¹⁰ Эти признаки имеются в написанных, вероятно, на Афонс Книге о постычестве Василия Великого конца XIV в. (ГИМ, Увар. 506) и Римском патерике рубежа XIV—XV вв. (ЦНБ АП Литвы, ф. 19, № 3), которые, как указано выше, в данном аспекте представляют собой крайне редкие, буквально единичные исключения.

безъбра|зний И. мн. м., разъблени|а И. мн. л. 237в и т. п. в части 1457 г. той же рукописи). Употребление указанных графем достигает значительного распространения в древнерусской письменности лишь с 10-х годов XV в. Рукописи рубежа XIV—XV вв., в которых встречается графема **ѡ**, весьма редки.

X. С 10-х годов XV в. в ряде северо-восточных памятников довольно широко распространяются характерные для южнославянских памятников написания с **ѣ** в соответствии с /'а/. Древнейшими из известных нам датированных рукописей, в которых сравнительно часто встречаются подобные написания, являются тверские Лествицы 1402 г. (БАН, Тим. 9) и 1404 г. (ГИМ, Чуд. 219), но, как правило, в рукописях рубежа XIV — XV вв. такие написания весьма редки. Написания с **ѣ** в соответствии с /'а/ довольно многочисленны в Лествицах 1411—12 гг. (Унд. 192 и Больш. 289), например: оуставлѣжтъ наст. 3 ед. л. 2об., ѡ оукрѣплѣщимъ л. 37, лювовъ въскжж л. 37об., въскѣьскы нар. л. 54об., погоуелѣти л. 76 в Унд. 192, въ поученіе новаго илѣ л. 3об., валѣнса повел. л. 29об., сътварѣемо стр. прич. В. ср. л. 69об. в Больш. 289.

XI. В это же время в северо-восточных рукописях вновь **начинает употребляться буква ж**, полностью исчезнувшая из древнерусской письменности после XII в. В большинстве случаев **ж** пишется в древнерусских рукописях эпохи 2-го ЮСлВ в соответствии с **этимологией** (т. е. в соответствии с праславянским *ǰ). Подобные этимологически правильные написания с **ж**, очевидно, возникали благодаря копированию восточнославянскими писцами соответствующих написаний в болгарских оригиналах. Так, например, **ж** в троице-сергиевском Сборнике с Поучениями аввы Дорофея 1414 (РГБ, ТСЛ, 165) употребляется в основном в соответствии с этимологией: влажж наст. 1 ед. л. 2, сжцьство В. ед. л. 15об., съсж добръ л. 21об., сждіа И. ед. л. 37об., вждѣ л. 50, имжщен мн. л. 63, мжкы Р. ед. л. 97об., лоучьшж В. ед. ж. л. 181об., стражжщимъ Д. мн. л. 252, несжзаннж и єдиносжщнѣ трѣжж л. 252, травж В. ед. л. 298об., алжж 1 ед. л. 305об., трепещж л. 307об., влждное слжженіе л. 310об. и т. п. Как обычно в большинстве древнерусских рукописей рассматриваемого периода, в соответствии с этимологическим *ǰ в данной рукописи чаще встречается диграф оу или ю, чем **ж**, например: хвалю наст. 1 ед., во истиноу л. 2, гюу ва, и иноу вѣ подобноу л. 25об., соудіи л. 37об.

Иногда в древнерусских рукописях встречаются написания с **ж** в соответствии не с носовым праславянским гласным, а в соответствии с *и. Подобные написания встречаются в том же Сборнике 1414 г. например: къ братж л. 1, источникж (2х) л. 150об., къ мирж

л. 260, **кѣ старцѣ** л. 298об., **инокѣ** л. 270об., **инокѣ** л. 290об., **инокѣ** л. 300, **инокѣ** л. 304об. Д. ед. м., **варсанѣ**^а (2х) Р. л. 312, **варсанѣ**ѣ л. 305об., **игжменѣ** л. 314 (в писцовой записи). Такие написания могли возникнуть на русской языковой почве, поскольку в древнерусском языке рассматриваемого периода не было носовых гласных, и буква **ж** в сознании восточнославянских писцов ассоциировалась со звуком /ц/.

ХII. С 10-х годов XV в. в ряде северо-восточных рукописей встречаются многочисленные написания с меной «юсов» типа среднеболгарской. Из числа точно датированных памятников древнейшими рукописями с интенсивной меной «юсов» являются Лествицы 1411–12 гг. (Унд. 192 и Больш. 289). В Лествице Унд. 192 имеются, например, следующие написания: **почѣ** буд. 1 ед., **ѡрѣѡаѡце**, **своѡ вѡла** приближаѡѡѡса В. ед. л. 24об., **вѣнѡтрѣ** л. 125 (ѡ вместо **ж**), **имѣѡ**, **вьѡваѡ** прич., **дѡшѡ** Р. ед. л. 76об., **ѡвьѡшоѡ** аор. 3 мн. л. 125 (**ж** вместо ѡ).

ХIII. Одновременно с указанными выше признаками 2-го ЮСлВ в древнерусских рукописях появляются многочисленные написания союза **нѣ** (в древнерусской орфографии XIV в. — **но**) с **ж**, т. е. как **нѣ**, перенесенные, очевидно, из среднеболгарских рукописей. Подобные написания часто встречаются в Лествицах 1411–12 гг. (Унд. 192 и Больш. 289).

Далеко не у всех древнерусских писцов, употребляющих **ж** в соответствии с этимологией и в соответствии с /ц/, имеются написания с меной «юсов» и написания типа **нѣ** (=нѣ, но). Так, например, в уже упоминавшемся трице-сергиевском Сборнике с Поучениями аввы Дорофея 1414 г. случаи мены «юсов» и написания **нѣ** единичны, хотя **ж** употребляется в этой рукописи сравнительно нередко.

Материал исследованных нами 115 древнерусских рукописей конца XIV — первой половины XV вв. (преимущественно с точной датой) свидетельствует об ориентации древнерусских книжников в основном на правописание среднеболгарских, а не сербских рукописных книг. Восточнославянские рукописи этого периода, в которых встречаются «сербизмы» (например, написания с буквой **ѣ** вместо ѡ)¹¹, насколько известно автору настоящей статьи, весьма немногочисленны, в связи с чем «сербизмы» не были включены в перечень наиболее характерных признаков 2-го ЮСлВ.

¹¹ «Сербизмы» имеются в некоторых выполненных древнерусскими писцами XV в. списках Жития преп. Сергия Радонежского в редакции Пахомия Сербя. Такой список имеется, в частности, в трице-сергиевском Сборнике 1438 г. (РГБ, ТСЛ 746).

Нами был выполнен приблизительный подсчет, позволяющий оценить частотность перечисленных выше признаков 2-го ЮСлВ в графико-орфографических системах¹², имеющихся в древнерусских рукописях, написанных в разных регионах в первой половине XV в. (в основном датированных самими писцами, а также тех, время написания которых надежно устанавливается в пределах нескольких лет по косвенным данным). В подсчет было включено **122** системы из **83-х** древнерусских рукописей первой половины XV в. В **112-и** из этих систем были обнаружены признаки 2-го ЮСлВ, в **10-и** таких признаков практически не оказалось (системы без характерных черт 2-го ЮСлВ встретились в основном в рукописях первых годов XV в., а также в ряде новгородских рукописей, написанных до 30-х годов, и псковских памятниках до середины 40-х годов данного столетия).

Согласно этим подсчетам, **каждый** из следующих шести признаков, а именно:

1. использование запятой (а в некоторых рукописях — и точки с запятой),
2. употребление акцентных знаков (хотя бы только одного, чаще всего кендемы),
3. использование паерка,
4. употребление **а** в соответствии с /ja/,

¹² Единицей подсчета нами была избрана именно «графико-орфографическая система» (далее кратко обозначаемая как «система»), а не рукопись или отдельный почерк. В рукописи может быть много писцов, но установить точные границы всех почерков нередко оказывается чрезвычайно сложной задачей, и в условиях, когда необходимо исследование очень большого массива рукописей, иногда практически невыполнимой. Поэтому в ряде случаев мы позволили себе рассматривать как одну систему практически тождественные системы двух и более писцов (особенно если установить число почерков в той или иной рукописи с достаточной степенью надежности не удалось). Если фрагмент текста, написанный тем или иным писцом, не был достаточно обширным, чтобы составить полное представление об орфографической системе этого писца, эта система в подсчет не включалась. В случае, если графика и орфография одного и того же писца оказывалась нестабильной по одному или нескольким параметрам и наблюдаемые различия обнаруживали очевидную зависимость от того, какой текст переписывает писец, его система все же рассматривалась нами как одна, но нестабильная (а не как две или более различных систем). Мы считали, что тот или иной признак характерен для той или иной системы **только в том случае, если он представлен достаточным количеством написаний** (точнее, если соответствующие написания встречаются сравнительно нередко и на протяжении всего участка текста рукописи, где имеется данная система).

5. использование **ї** «десятеричного» перед буквами гласных,
 6. наличие написаний с **жд** (**ж̂**) в соответствии с *dj —
 свойствен не менее, чем 84-ем системам, что составляет **свыше 70 %** всех графико-орфографических систем первой половины XV в., в которых обнаруживаются особенности, связанные со 2-ым ЮСлВ. Признаки **1** и **2** характерны для **91%** систем. Остальные признаки расположены здесь и далее в порядке от наиболее распространенных в графико-орфографических системах рассматриваемого периода к менее распространенным.

Мы считали, что в системе имеется **минимальный набор**¹³ признаков 2-го ЮСлВ, если в ней отмечены **только** признаки **1 — 6** (хотя бы один из них). Таких систем приблизительно **21%** от числа всех систем с чертами 2-го ЮСлВ. Минимальным набором признаков 2-го ЮСлВ обладают, например, системы вологодской Триоди постной 1410 (?) г. (РГАДА, МГАМИД 760), новгородской Минеи служебной на февраль 1441 г. (РНБ, Соф. 196), псковской Минеи праздничной 1445 г. (ГИМ, Син. 872).

Нередко встречаются в древнерусских рукописях первой половины XV в. также следующие признаки 2-го ЮСлВ:

7. употребление буквы **ѕ**(**ѕ**) и/или **ѣ** в звуковом значении /z/ (этот признак имеется в **60%** всех систем с чертами 2-го ЮСлВ),

8. наличие «южнославянских» написаний слов с корневыми сочетаниями редуцированных с плавными (с буквами **ѣ**, **ь** после **р**, **л**) (в **54%** систем),

9. употребление буквы **ь** вместо **ѣ** на конце слов после твердых согласных (в **36%** систем).

Системы, в которых в **дополнение** к признакам **1—6** (или хотя бы нескольким из них) имеется еще от одного до трех следующих признаков

¹³ В число признаков 2-го ЮСлВ, для оценки частотности которых в графико-орфографических системах XV в. производились подсчеты, не был включен такой признак, как использование диграфа **оу** после согласных или заменяющей его лигатуры **ѣ** (поскольку, как уже отмечалось выше, написания с **оу** после согласных имеются в древнерусских рукописях середины XIV в., а написания с **ѣ** в той же позиции, появляющиеся в рукописях в середине столетия с эпохи 2-го ЮСлВ, эквивалентны написаниям с **оу**, так как **ѣ** является лигатурой, заменяющей диграф **оу**). Отметим, что употребление диграфа **оу** или лигатуры **ѣ** характерно почти для всех систем со следами 2-го ЮСлВ (за редкими исключениями). Такой признак, как наличие написаний с **ѣ** после **р** в словах с неполногласными сочетаниями с сонантом /г/, также не был включен нами в подсчет, поскольку подобные написания встречаются в древнерусских рукописях середины XIV в. Этот признак имеется приблизительно в 50% систем с чертами 2-го ЮСлВ.

(7–9) мы условно назвали системами с **расширенным минимальным набором** признаков. В частности, таковы системы шестого и восьмого писцов трице-сергиевского Сборника с Дионтрой инока Филиппа 1418 г. (РГБ, ТСЛ 190), новгородского Октоиха 1435–36 г. (ГИМ, Сии. 199).

Не случайным представляется тот факт, что **приблизительно в 54%** графико-орфографических систем первой половины XV в. с чертами 2-го ЮСлВ имеются **только** признаки из числа перечисленных выше под номерами **1–9**. **Приблизительно треть (33%)** систем с признаками 2-го ЮСлВ составляют системы с **расширенным минимальным набором** признаков.

Каждый из перечисленных ниже признаков встречается **менее, чем в четверти** из всех систем с чертами 2-го ЮСлВ,

10. употребление **ж** — как в соответствии с этимологией, так и в соответствии с *и (в **23%** систем);

11. наличие написаний с **ѣ** в соответствии с /'а/ (в **23%** систем),

12. наличие написаний с **ж** вместо **ѣ**: **нж=нѣ**, **но** (в **16%** систем),

13. отсутствие мены «юсов» типа среднеболгарской (в **15%** систем).

Наименее «популярные» у древнерусских писцов первой половины XV в. признаки **12, 13** представляют собою типичные болгаризмы.

Системы, в которые входят **три или четыре признака** из перечисленных под номерами **10–13** (представленные не единичными или крайне редкими написаниями), мы называем системами с **максимальным набором признаков**. Сюда мы включаем как **стабильные** системы, так и **нестабильные**¹⁴ *не более чем по одному или двум параметрам* (при условии, если в этих нестабильных системах представлены все признаки, обозначенные номерами **10–13**). Из числа систем с чертами 2-го ЮСлВ систем с **максимальным набором признаков около 15%**. Из них **стабильных** по всем четырем параметрам приблизительно **12%**. Как правило, если в системе присутствуют **три или четыре признака из обозначенных номерами 10–13**, то в ней имеются все или почти все **признаки из минимального набора** и хотя бы один из следующей по частотности группы признаков (7-ой, 8-ой или 9-ый).

Системами с максимальным набором признаков 2-го ЮСлВ являются, в частности, системы писцов Лествиц 1411–12 г. (Унд. 192 и Больш. 289), а также двух писцов спасо-андрониковского Евангелия-тетр с толкованиями Феофилакта Болгарского 1416 г. (ГИМ, Чертк. 256).

Промежуточное положение между системами с расширенным минимальным набором и максимальным набором признаков запи-

¹⁴ Т. е. такие, в которых имеются значительные различия по частоте «юж-пославянских» написаний между разными фрагментами текста.

мают системы, в которых кроме признаков, входящих в расширенный минимальный набор, имеется признак **10** (т. е. употребляется **ж** в соответствии с этимологией, а также, возможно, и в соответствии с *ц) и/или признак **11** (т. е. отмечаются написания с **ѣ** в соответствии с /'а/). Таких систем приблизительно **14%**. Примером подобных систем¹⁵ может служить система триоце-сергиевского Сборника с Поучениями аввы Дорофея 1414 г. (РГБ, ТСЛ 165).

Заметим, что в подавляющем большинстве систем, в том числе с максимальным набором признаков, все же очень много русизмов (в частности, таких, как написания **ер**(ерь), **ор**(оръ), **ол**(олъ) в соответствии с сочетаниями редуцированных с плавными, написания с **ж** в соответствии с *dj, употребление буквы **ѣ** в неполногласных сочетаниях из праславянского *er). Русизмы входят в такие системы как равноправные или почти равноправные варианты. Всего лишь в двух системах из 112-и систем с признаками 2-го ЮСлВ (что составляет около **2%**) нормативны только «южнославянские» написания, а русизмы представляют собой весьма редкие отступления от нормы. Мы имеем в виду здесь системы двух писцов Сборника со Словами Исаака Сирина 1431 г. (ТСЛ 175), написанного в Лисицком монастыре близ Новгорода [см. Гальченко 1997]. Из известных нам рукописей без точной даты их создания среднеболгарская орфография наиболее последовательно воспроизводится в Евангелии, написанном Мемноном в 20-х годах XV в. (БАН, Добр. 26) и — несколько менее последовательно — в Апостоле, созданном тем же писцом (ГРМ, Др. Гр. 20) [Турилов 1992: 30-31]. В основном сохраняют особенности среднеболгарской орфографии также второй писец Торжественника первой четверти XV в. (РНБ, ОЛДП 215), один из многочисленных писцов Сборника (РНБ, Кир.-Бел. XII), созданного до 1424 г., происходящего из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, и писец новгородского свитка с Лигургией Иоанна Златоуста первой половины XV в. (РНБ, Ф. п. 1. 33).

По-видимому, большинство древнерусских писцов не ставило перед собой задачи тщательного воспроизведения орфографии своих южнославянских протографов. Непоследовательность в употреблении спе-

¹⁵ В большинстве подобных систем наряду с одним — двумя признаками из «максимального» набора (**10** и/или **11**) имеются все шесть признаков из «минимального» набора и два — три признака из обозначенных номерами **7—9**. Только в тверских Лествицах 1402 г. и 1404 г. (системы которых мы не включаем в данную группу систем) набор признаков оказывается необычным: наряду с четырьмя или пятью признаками из минимального набора в них имеется признак **11** (написания с **ѣ** в соответствии с /'а/), а написания, соответствующие признакам **7—9**, в них довольно редки.

цифических болгаризмов наблюдается в значительном количестве известных нам древнерусских рукописей первой половины XV в. Во многих древнерусских рукописях этого времени (особенно в Сборниках) в пределах одного почерка наблюдаются значительные колебания по частоте написаний с «юсом большим», меньшей юсов и с ѣ в соответствии с /a/: нередко в одном тексте у писца часто встречаются подобные «южнославянизмы», а в другом тексте в той же рукописи эти написания у него практически полностью исчезают. Например, буква ж, очень часто употребляющаяся в части лисицкой рукописи 1431 г., содержащей Лествицу (РГБ, Рум. 200), заметно реже встречается в других частях этой рукописи, написанных тем же писцом. После текста Лествицы почти исчезают также мена юсов и написания с буквой ѣ в соответствии с /a/. Различная частота употребления буквы ж в разных фрагментах текста отмечена нами в первом почерке Лествицы с прибавлениями 1422 г., созданной в Кирилло-Белозерском монастыре (РНБ, Кир.-Бел. XI), в Сборнике аскетических сочинений 1429 г. (РНБ, Солов. 1133/1243) и некоторых других рукописях. Именно по признакам 10–13 (особенно 12–13) наблюдается наибольшая нестабильность и вариативность письма многих древнерусских писцов. Это представляется вполне закономерным, поскольку данные орфографические особенности не только не находили опоры ни в живом, ни в церковном произношении, но и в определенной степени затрудняли процесс чтения и понимания текста (особенно это касается мены юсов, из-за которой у носителя древнерусского языка могли возникать проблемы с определением падежей имен и различием форм настоящего времени глаголов 1 л. ед. ч. и причастий). Можно предположить, что в процессе становления новой орфографии в период второго южнославянского влияния определенную роль могли играть графико-орфографические правила: древнерусские писцы усваивали прежде всего те особенности южнославянского правописания (даже достаточно искусственные и не соответствовавшие фонетике живого языка писцов), которые легко поддавались обобщению в виде правила (например, написания с а в соответствии с /ja/), а те орфографические особенности, которые на восточнославянской почве обобщению не поддавались, писцы могли воспроизводить, но сколько-нибудь прочно не усваивали (это в первую очередь относится к мена юсов).

В целом следует отметить заметное возрастание графико-орфографической вариативности в древнерусской письменности эпохи второго южнославянского влияния (особенно ее начального периода) по сравнению с древнерусской письменностью середины — второй половины XIV в. С одной стороны, как уже отмечалось выше, многие осо-

бенности правописания, характерные для древнерусских рукописей XIV в. (например, написания **єр(єрь)**, **ор(оръ)**, **ол(олъ)** в соответствии с сочетаниями редуцированных с плавными, написания с **ж** в соответствии с *dj, употребление буквы **є** в неполногласных сочетаниях из праславянского *er), у большинства древнерусских писцов XV в. продолжают оставаться по крайней мере допустимыми вариантами нормы, с другой стороны, южнославянские варианты написания тех же позиций оказываются столь же допустимыми. В результате одно и то же слово у одного и того же писца оказывается написанным несколькими различными способами нередко в пределах одной страницы или даже строки. В этой ситуации вполне понятны колебания писцов между теми или иными из многочисленных допустимых графико-орфографических вариантов и усиление зависимости от орфографии оригинала. Так, например, когда пятый писец Сборника с Диоптрой ипока Филиппа 1418 г. переходит от переписывания одного сочинения к переписыванию другого, его графико-орфографическая система изменяется сразу по десяти (!) параметрам. Данный случай не является абсолютно уникальным в древнерусской письменности рассматриваемого периода. Заметная нестабильность правописания по семи параметрам (не только по употреблению **ж**, частоте написаний с меной юсов, написаний типа **нж (нъ)**, написаний с **ѣ** в соответствии с /'а/, но также и по частоте употребления некоторых акцентных знаков) наблюдается и у пятого писца троице-сергиевского Сборника 1425 г. (РГБ, ТСЛ 185). Из 112-и систем около пятнадцати, что составляет приблизительно **13%** от всех систем с чертами 2-го ЮСЛВ, являются **очень нестабильными сразу по нескольким или даже многим (от трех до десяти) параметрам**.

Отмечая значительную вариативность, непоследовательность и нестабильность по ряду параметров орфографии многих древнерусских рукописей первой половины XV в., мы, однако, не имеем оснований говорить о полном отсутствии у писцов в этот период графико-орфографических норм. Графико-орфографические нормы древнерусской письменности представляют собою не столько системы предписаний (определяющие для каждой словоформы одно единственное нормативное написание), сколько системы запретов (допускающие одни, нередко многочисленные, варианты написания словоформ и запрещающие некоторые другие варианты). Допуская свободное варьирование по многим параметрам «древнерусских» и «южнославянских» типов написаний, графико-орфографические нормы эпохи второго южнославянского влияния в других аспектах оказываются строже норм XIV в. Как правило, правописные нормы эпохи 2-го ЮСЛВ гораздо более же-

стко ограничивают отражение некоторых фонетических особенностей живых говоров писцов, чем нормы предшествующего периода. Так, например, в тех новгородских рукописях XV в., где уже заметно проявляются признаки второго южнославянского влияния, как правило, почти не встречается смешение **ц** и **ч**, нередко присутствующее в новгородских рукописях XIV в. А. А. Турилов вслед за А. И. Соболевским справедливо отмечает, что в результате второго южнославянского влияния происходит стирание локальных вариантов древнерусской письменности [Соболевский 1903: 3-4; Турилов 1998: 323]. Кроме того, смешение букв **ь-ѣ**, **ъ-ѡ**, по нашим наблюдениям, почти не встречается (или встречается крайне редко) в древнерусских рукописях XV в. с интенсивно выраженным южнославянским влиянием (прежде всего в тех, где часто употребляется **ж**, имеется мена **ж-л**, написания с **ѣ** в соответствии с /'а/) ¹⁶.

Подытожим сказанное. Мы установили, что признаки 2-го ЮСлВ можно схематически расположить в определенном иерархическом порядке в зависимости от степени их распространенности в графико-орфографических системах древнерусских писцов. Этот порядок в целом также соответствует степени стабильности многих орфографических систем древнерусских писцов по тем или иным параметрам (заметно снижение стабильности орфографии многих древнерусских писцов по тому или иному параметру от первых к последним в нашей схеме признакам) ¹⁷.

Представленная схема в основных чертах соответствует и охарактеризованной нами выше хронологии появления признаков 2-го ЮСлВ в восточнославянской письменности. Признаки **1–9** имеются не только в памятниках XV в.; большинство из этих признаков (в первую очередь признаки **1–6**, входящие в «минимальный набор»), как уже отмечалось выше, появляется уже в восточнославянских рукописях конца XIV в. или рубежа XIV–XV вв.

В период с конца XIV в. до десятых годов XV в. увеличивается количество рукописей с графико-орфографическими «южнославянизмами» (прежде всего входящими в «минимальный набор»), заметно возрастает число графико-орфографических систем с «расширенным минимальным набором» признаков.

¹⁶ В древнерусских рукописях с менее выраженными признаками 2-го ЮСлВ, особенно провинциальных, мена **ь-ѣ**, **ъ-ѡ** встречается и в XV в. (даже во второй половине этого столетия).

¹⁷ Следует заметить, впрочем, что системы некоторых древнерусских писцов рассматриваемого периода обнаруживают заметную нестабильность по частоте употребления отдельных акцентных знаков (особенно оксии, вари и каморы)

Почти все рукописи с «максимальным набором» признаков 2-го ЮСлВ (за исключением двух упомянутых выше памятников конца XIV — начала XV вв., написанных древнерусскими книжниками, возможно, на Афоне) относятся ко времени не ранее 10-х годов XV в. В области графики и орфографии южнославянское влияние достигает своей наибольшей интенсивности в северо-восточных рукописях уже в первой четверти XV в. Во второй четверти XV в. в северо-восточных рукописях, по нашим наблюдениям, картина существенно не изменяется. Как и в первой четверти этого столетия, рукописи с «минимальным набором» признаков южнославянского влияния сосуществуют с памятниками, в значительной степени воспроизводящими практически все особенности среднеболгарской орфографии (к числу последних относятся почти исключительно рукописи, тексты которых были не известны в Древней Руси ранее эпохи 2-го ЮСлВ).

Различия между отдельными регионами и культурными центрами Древней Руси, по нашим наблюдениям, состоят почти исключительно **во времени** возникновения (в пределах конца XIV — середины XV вв.) и широкого распространения в них графико-орфографических систем с чертами 2-го ЮСлВ, но **порядок** появления рассматриваемых нами признаков 2-го ЮСлВ в памятниках, созданных в различных регионах, почти один и тот же. Имеются основания говорить лишь об отдельных сравнительно небольших отличиях, связанных с некоторыми книгописными центрами.

Итак, в соответствии с предложенной в настоящей статье классификацией признаков по степени их распространенности в древнерусских рукописях первой половины XV в., из всех систем, имеющих в древнерусских датированных рукописях, выделяется несколько групп. Перечислим их еще раз: 1) группа систем с «**минимальным набором**» признаков (примерно 21% от всех систем с чертами 2-го ЮСлВ), 2) с «**расширенным минимальным набором**» (приблизительно 33%), 3) с «**максимальным набором**» (примерно 15%), 4) группа систем, по набору признаков занимающая **промежуточное положение между системами с «расширенным минимальным» и «максимальным набором»** (около 14%). В особую группу мы выделяем **системы, крайне нестабильные по более, чем трем признакам**¹⁸ (приблизительно 13% от всех систем с чертами 2-го ЮСлВ). Приблизительно 2% систем не было включено в перечисленные группы, поскольку эти системы обладают необычным набором признаков 2-го ЮСлВ.

¹⁸ В подавляющем большинстве случаев у писцов с такими системами в отдельных фрагментах текста встречаются написания с ж.

Конечно, данная схема, как и любая схема, несколько упрощает пеструю картину, наблюдаемую в древнерусских рукописях рассматриваемой эпохи. Набор признаков 2-го ЮСЛВ в графико-орфографических системах разных писцов, даже работавших в одно и то же время в одном и том же скриптории, может заметно различаться. Разумеется, в каждом конкретном случае предпочтение, отдаваемое писцом тем или иным признакам 2-го ЮСЛВ, может не соответствовать общей тенденции, наблюдаемой в достаточно большом числе датированных древнерусских рукописей рассматриваемого периода.

В целом, однако, как нам кажется, представленная выше схема верно отражает как относительную частоту, так и хронологию проявления наиболее заметных графико-орфографических особенностей, связанных со 2-ым ЮСЛВ.

Список источников и литературы

- Бобров 1991 — Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. СПб., 1991.
- Василев 1980 — Василев В. П. Правописната реформа на Евтимий и отражението и в произведения на негови следовници и на български дамаскипари // Търновска книжовна школа. София, 1980. Т. 2.
- Вздорнов 1980 — Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980.
- Винокур 1959 — Винокур Г. О. Орфография как проблема истории языка // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Гальченко 1994 — Гальченко М. Г. Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблема второго южнославянского влияния на Руси в конце XIV — XV вв. М., 1994.
- Гальченко 1996 — Гальченко М. Г. Датированные повгородские рукописи конца XIV — первой половины XV вв. и проблема второго южнославянского влияния // Славяноведение. 1996. № 1.
- Гальченко 1997 — Гальченко М. Г. Лисицкие датированные рукописи конца XIV — первой половины XV вв. и проблема второго южнославянского влияния // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 1997. Vol. V.
- Гальченко 1998 — Гальченко М. Г. Датированные рукописи Кирилло-Белозерского монастыря первой половины — середины XV в. и проблема второго южнославянского влияния // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 1998. Vol. VI.
- Гальченко, в печати — Гальченко М. Г. Троице-сергиевские рукописи конца XIV — первой половины XV в. и проблема второго южнославянского влияния. Часть I (конец XIV — первая четверть XV вв.) // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), (в печати).
- Гальченко, Яценко 1997 — Гальченко М. Г., Яценко А. Н. Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1424 г., написанных в

- Константинополе и на Афоне русским монахом Евсевием-Ефремом (к вопросу о втором южнославянском влиянии) // Вопросы языкознания. 1997. № 1.
- Живов 1993 — *Живов В. М.* Гуманистические традиции в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV–XVII вв. // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов (Братислава, сентябрь 1993 г.). М., 1993.
- Жуковская 1987 — *Жуковская Л. П.* Гречизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-ой пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987.
- Зализняк 1979 — *Зализняк А. А.* О понятии графемы // *Balkanica: лингвистические исследования.* М., 1979.
- Зализняк 1986 — *Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1977–1983 гг.) М., 1986.
- Иванова 1996 — *Иванова М. В.* Второе южнославянское влияние: термин и сущность. // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М., 1996.
- Иванова 1998 — *Иванова М. В.* Древнерусские жития конца XIV–XV веков как источник русского литературного языка. М., 1998.
- Клосс 1993 — *Клосс Б. М.* К изучению традиций книгописания в Троице-Сергиевом монастыре // История и палеография. М., 1993.
- Саенко 1984 — *Саенко Л. П.* Палеография, графика и орфография Тверской лестницы 1402 г. АКД. М., 1984.
- Соболевский 1894 — *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. СПб., 1894.
- Соболевский 1903 — *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. // Сборник ОРЯС. СПб., 1903. Т. 74. № 1.
- Турилов 1992 — *Турилов А. А.* О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона-книгописца» (БАН, Доброхот. 26) // Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. М., 1992. Выпуск 26.
- Турилов 1995 — *Турилов А. А.* Болгарские литературные памятники эпохи первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв. (заметки к оценке явления) // Славяноведение. 1995. № 3.
- Турилов 1998 — *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV вв. и «второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство. СПб., 1998.
- Турилов, в печати — *Турилов А. А.* Забытые русские святогорцы — Каличник и «филадельф». (Страничка истории русского книгописания на Афоне рубежа XIV–XV вв.) // *Moskovitica.* № 1 (в печати).
- Успенский 1987 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка XI–XVII вв. München, 1987.
- Щепкин 1967 — *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967.
- Worth 1983 — *Worth D.* Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка // Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов: Киев, сентябрь 1983. М., 1983.

Список сокращений

- Барс.** — Собрание Е. В. Барсова (ГИМ)
Больш. — Собрание Т. Ф. Большакова (РГБ, ф. 37)
Добр. — Собрание П. Н. Доброхотова (БАН, ф. 37)
Епарх. — Епархиальное собрание (ГИМ)
Кир.-Бел. — Собрание Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ, ф. 351)
МГАМИД — Рукописный отдел библиотеки Московского Главного архива
Министерства иностранных дел (РГАДА, ф. 181)
МДА — Собрание Московской духовной академии (РГБ, ф. 173)
Муз. — Музейское собрание (ГИМ)
ОЛДП — Собрание Общества любителей древней письменности (РНБ, ф. 536)
Рум. — Собрание Н. П. Румянцева (РГБ, ф. 256)
Син. — Синодальное собрание (ГИМ)
Солов. — Собрание Соловецкого монастыря (РНБ, ф. 717)
Соф. — Собрание Софийской библиотеки (РНБ, ф. 728)
Тим. — Собрание Н. В. Тимофеева (БАН, ф. 61)
Тип. — Собрание Рукописного отдела библиотеки Московской Синодальной
типографии — РГАДА, ф. 381
ТСЛ — Собрание Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304)
Увар. — Собрание А. С. Уварова (ГИМ)
Унд. — Собрание В. М. Ундольского (РГБ, ф. 310)
Усп. — Собрание Успенского собора (ГИМ)
Чертк. — Собрание А. Д. Черткова (ГИМ)
Чуд. — Собрание Чудова монастыря (ГИМ)